

СПЕЦИФИКА РАБОТЫ С АРХЕТИПОМ МАТЕРИ В СКАЗКАХ В УСЛОВИЯХ АНТРОПОЦЕНТРИЗМА КУЛЬТУРЫ

Е.Л. КУДРЯВЦЕВА¹, Е.М. ЛИСТИК², Р.И. КУЗЬМИНОВ³

¹ *Казанский федеральный университет, Елабуга*

² *Московский городской педагогический университет*

³ *Центр развития инноваций «Ассессти», Люксембург*

В статье рассматривается, как сказка и миф благодаря зафиксированному в них так называемому пути героя (по Дж. Кэмпбеллу) способны отражать и транслировать культурное наследие нации, а также инициировать личностную трансформацию читателя посредством декодирования их метафорического содержания. Вводится термин «аватаризация», обозначающий процесс осознанного проживания, присвоения и воплощения субъектом архетипического содержания универсальной метафоры в конкретной культурной форме. Основное внимание уделено аватаризации универсальных метафор в конкретных культурных контекстах и анализу факторов, влияющих на воплощение архетипов в образы той или иной культуры. Рассматриваются два типа читателей: полезависимые и полenezависимые. Подчеркивается более высокий уровень развития способности последних к критической рефлексии и личностной работе с архетипическими структурами. Мы опираемся на подход Дж. Лакоффа и М. Джонсона, исследования Г. Уиткина, учение К.Г. Юнга об архетипах, коллективном бессознательном и индивидуализации.

При проведении исследования были использованы герменевтический метод, архетипический и метафорический анализ, культурологический и сравнительно-культурный анализ, психологическое моделирование, кейс-анализ, элементы нарративного анализа. Нами разработана методика консультативной помощи и психотерапии на основе аватаризации универсальных метафор в культурных контекстах. Показано, что осознание определенной последовательности действий героя внутри ситуативного контекста, приводящих при выборе вариантов реакций к определенному результату, пути героя как метафоры помогает понять вариативность травматичного опыта, связанного с архетипом матери, и переосмыслить его с других точек зрения. Процесс аватаризации позволяет читателю глубже интерпретировать архетипы и реконфигурировать их, т.е. сначала создать их конфигурацию, абстрагируясь от своей насущной жизненной ситуации, а потом встроить их в нее. Аватаризация и метафоризация открывают новый уровень осмысления текста, способствуют личностной трансформации.

Ключевые слова: метафора, архетип, сказка, аватар, аватаризация, полезависимая личность, полenezависимая личность, метафоризация, билингвы.

Сказка – это сон, приснившийся нации.

И.А. Ильин, 1934

Книга как носитель опыта поколений в эпоху глобальных изменений может быть как поверхностно прочитанным источником, так и инструментом самопознания и адаптации. Важно определить методы, позволяющие читателю самостоятельно или с поддержкой специалистов пройти процесс индивидуализации, осмыслить свой опыт

в системе типовых проблемных ситуаций с набором решений, т.е. так называемых коллективных кейсов, проработать межпоколенческие травмы и не передать их дальше.

В условиях глобализации социоцентрическая модель мира оказалась несостоятельной: полезависимый человек, ограниченный одной социо- и этнокультурной

рамкой, плохо адаптируется к изменениям (Witkin, Goodenough, 1977), что приводит к возникновению «потерянных поколений». Для устойчивости общества в условиях культурных и технологических революций требуется антропоцентричная парадигма организации общества, ставящая во главу угла развитие личности (Bossert, Schlegel, 2022).

Наше исследование помогает увидеть, а значит поспособствовать тому, чтобы осознанный читатель смог в будущем устранить это противоречие между индивидуализацией в цифровую эпоху и инерцией традиционных социоцентричных моделей воспитания из своей собственной биографии. Несмотря на декларируемую ценность самореализации, институты социализации (семья, школа) часто основаны на коллективных интересах, что предполагает конформность, которая вступает в конфликт с потребностью личности в автономии. Методологии, развивающие критическое и метафорическое мышление, в качестве инструментов психологической суверенизации недооценены. Однако именно эти когнитивные способности обеспечивают адаптивность и устойчивость личности в условиях неопределенности. Метафорическое мышление позволяет видеть вариативность жизненных сценариев, проявлять когнитивную гибкость, а критическое – способствует деконструкции навязанных социальных ролей и защите границ своего Я от давления стереотипных ожиданий. Мы предлагаем путь интеграции социальных процессов и антропоцентризма без травматизации личности.

Этой цели служит созданная нами антропоцентричная модель восприятия сказок, соединяющая архетип в качестве основы социальной преемственности с метафорой и аватаром как средствами, работа с которыми способствует личностному развитию. Такой синтез углубляет понимание текстов и механизмов формирования личности в периоды культурных трансформаций. Карл Густав

Юнг (2023) отмечал, что архетипические образы, сохраняя коллективную силу, достаточно гибки для того, чтобы помочь осмыслению субъектом своей деятельности, мира вокруг; метафоры же (Lakoff, Johnson, 1980) структурируют восприятие и способны трансформировать сознание. Переход от архетипического к метафорическому мышлению усиливает критические анализ общества и рефлексия (Эко, 2004).

Наш подход позволяет выявлять культурные поведенческие парадигмы и управлять ими с помощью чтения, а также интерпретации сказок и мифов. Гибкое переосмысление универсальных метафорических структур – ключ к успеху личностной терапии и к пониманию межпоколенческих конфликтов, а конкретная сказка или миф являются удачными инструментами в руках педагогов и психологов (Hollingsworth, 2024).

Психотерапевтические возможности работы с архетипами в сказках изучают отечественные (Наумова, Шергин, 2022; Зинкевич-Евстигнеева, 2024) и зарубежные исследователи (Birkhauser-Oeri, 1988; Hollingsworth, 2024). Ряд авторов (Moratti, 2021; Malan, 2016) рассматривают метафору как фундаментальный компонент архитектуры сказки и основной инструмент психокоррекционного воздействия (Вачков, 2015).

АРХЕТИП МАТЕРИ И МЕТАФОРА

Одним из главных архетипов, описанных К.Г. Юнгом в рамках аналитической психологии, является архетип «мать» (Юнг, 2023). Он играет ключевую роль в формировании личного опыта клиентов психологов, психотерапевтов, коучей (Hollingsworth, 2024; Moratti, 2021; Кузьмин, 2015; Слесарева, Калинин, 2022).

А. Холлингсворт (Hollingsworth, 2024) описывает опыт работы со сказкой и архетипом «мать» при исследовании и исцелении межпоколенческих травм. Непрорабо-

танные травмы ослабляют поколения; их переосмысление посредством диссоциации ведет к исцелению и автономизации личности. По Юнгу (2023), диссоциация — путь эффективной индивидуализации, особенно актуальной в эпоху глобальной мобильности, когда отсутствие индивидуальности делает человека психологически уязвимым (Кудрявцева, Листик, Баркова, 2025). Произведенный нами обзор публикаций, посвященных архетипическому и метафорическому анализу сказок, показывает, что этот метод все еще формируется.

Цель исследования — уточнить методику работы со сказкой посредством метафоры и архетипа, показав, что сказка и миф являются сложными обобществленными нацией структурами, позволяющими не только транслировать, но и трансформировать индивидуальный опыт восприятия культурного наследия путем активного декодирования их содержания. За основу нашей работы мы взяли теорию концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона (Lakoff, Johnson, 1980), исследования полезависимой/полнезависимой личности (Witkin, Goodenough, 1977) и теорию архетипов, принадлежащую К.Г. Юнгу (2023).

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье мы будем использовать следующие базовые понятия:

- *архетип* — универсальная схема (с темной и светлой сторонами, по Юнгу), выражающая общечеловеческие ситуации и модели поведения (здесь мы будем говорить об архетипе «мать»);

- *метафоризация* — переход от абстрактного архетипа к межкультурной метафоре (для специалиста) и от аватара к метафоре (для читателя);

- *интеркультурная метафора* — воплощение архетипа в «стержневых» образах («мертвая мать», «матриархальная семья», «коллективная мать» и др.);

- *аватар*¹ — конкретное сценарное воплощение метафоры, ключ к раскрытию теневой стороны архетипа. В данной работе мы разделяем понятия «архетип» как бессознательную инвариантную структуру и «аватар» как инструмент сознательного взаимодействия с социумом. Если архетип статичен, то аватар — это динамическая ролевая модель, посредник между внутренним миром и социумом, который личность может менять в зависимости от контекста. Функционально это сближает аватар с юнгианской Персоной, однако принципиальное отличие нашей модели заключается в отношении к Тени. Если Персона служит механизмом социальной адаптации и, как правило, маскирует Тень ради одобрения социума, то аватар — это инструмент интеграции теневых аспектов. Он позволяет легально и безопасно прожить вытесненные импульсы (например, агрессию, власть, зависть) с помощью культурно опосредованного сценария, не разрушая социальные связи. Понятие «аватар» в нашей модели также коррелирует с понятием «жизненные сценарии» в транзактном анализе (Э. Берн), однако имеет существенное отличие. Если сценарий — это бессознательный план жизни, сформированный в раннем детстве, то аватар — это культурно-специфическая форма его воплощения (мифологема). Работа с аватаром позволяет экстернализовать сценарий, превращая его в набор ролевых моделей, доступных для сознательной коррекции;

- *аватаризация* — это процесс осознанного проживания, присвоения и воплощения субъектом архетипического содержания универсальной метафоры в конкретной культурной форме (этнической, поколенческой, социальной).

Наше исследование носит качественный, феноменологический характер, что обусловлено спецификой предмета изуче-

¹ Термин восходит к индийской мифологии (см.: Гринцер, 1987).

ния – субъективного переживания и интерпретации личностью культурных кодов.

Методологическую основу работы составили:

- теоретический анализ литературы, направленный на интеграцию подходов аналитической психологии (архетипический анализ К.Г. Юнга, теория индивидуализации, постъюнгианские исследования материнского комплекса), когнитивной лингвистики (теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона) и культурной антропологии (исследования мифопоэтических сценариев и обрядов перехода, таких как сепарация, инициация). Особое внимание уделялось работам, рассматривающим сказку в качестве инструмента трансляции культурных кодов и формирования идентичности;

- культурологический и сравнительно-культурный анализ;

- герменевтический, архетипический, метафорический, тематический и нарративный анализ текстов сказок и мифов как культурных нарративов;

- анализ случаев из консультативной практики авторов.

В практической части исследования применялся разработанный нами протокол «Аватар-ориентированная нарративная реконструкция». Данный метод позволяет перевести работу с глубинным бессознательным (архетипом) в плоскость осознанного моделирования поведения путем аватаризации.

Процедура включает три следующих последовательных этапа.

1. *Диагностика и идентификация (объективация текущего аватара)*. На данном этапе с помощью интервью и анализа любимых сказок клиента выявлялся доминирующий архетипический сюжет. *Задача* – определить, с каким именно культурным сценарием (аватаром) клиент находится в состоянии неосознанного слияния (например, «Золушка-жертва», «фея-спасатель», «карающая мачеха»)

2. *Деконструкция и диссоциация (разделение Я и аватара)*. Этап направлен на растождествление личности с ригидным сценарием. *Задача* – показать клиенту ограничения и дисфункциональные стороны текущего аватара. Например, осознание того, что аватар Золушки при всей его социальной одобряемости блокирует проявление здоровой агрессии и защиту границ.

3. *Реконструкция и аватаризация (выбор и воплощение нового аватара)*. Этап осознанного проживания и конструирования новой модели поведения. *Задача* – выбрать из культурного поля (сказок, мифов, литературы) более адаптивный аватар, который позволяет интегрировать Тень и решить актуальную жизненную задачу.

В настоящем исследовании мы опираемся на проведенные нами практические исследования, направленные на изучение оптимальности сепарации от культур семьи и страны, а также на успешность интеграции в новые культуры у клиентов-монолингвов и естественных билингвов.

ПОСТРОЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выборку составили 52 человека. Из них 41 женщина в возрасте 25–37 лет – носители русского языка, имеющие традиционную для русской культуры картину мира, из них 29 билингвов, владеющих кроме русского немецким и английским языками, остальные – монолингвы. Мужчины – 11 человек в возрасте 23–35, из них 7 билингвов. Мужчины были включены в выборку с целью убедиться, что методика эффективна и при работе с мужчинами.

Для обеспечения достоверности результатов был использован метод триангуляции данных: сопоставление теоретических моделей, результатов герменевтического анализа текстов сказок и тематического анализа эмпирического материала – кейсов. В последнем случае единицей анализа выступали нарративные эпизоды, содер-

жащие метафорические описания себя и значимых других.

Протокол включал три этапа работы с клиентом. Маркерами доминирования архетипического сюжета (этап 1) считались:

1) лингвистические – устойчивые метафорические конструкции («несу свой крест», «сплю на ходу» – в русском языке, а также смысловые аналоги в иных языках);

2) эмоциональные – высокая аффективная заряженность при обсуждении темы;

3) поведенческие – ригидное повторение одного и того же сценария в разных контекстах.

Маркерами успешной деконструкции и дистанцирования (этап 2) выступали феномены растождествления:

1) смена языка описания: переход от интернализированных самоутверждений («Я такая несчастная»), усиливающих идентификацию с проблемой (в духе когнитивного слияния в терминах С. Хейса, К. Штросала, К. Уилсона (Hayes, Strosahl, Wilson, 1999)), к экстернализирующему языку («Этот сценарий заставляет меня чувствовать себя несчастной», «Мой внутренний критик говорит...»), способствующему психологической дистанции (White, Epston, 1990);

2) снижение аффективной интенсивности: приобретение клиентом способности выдерживать и обсуждать травматический нарратив с позиции наблюдателя – метапознания, без эмоционального затопления;

3) признание амбивалентности: осознание вторичных выгод дисфункционального паттерна – аватара (например, «Быть жертвой удобно, потому что не надо принимать решения») и связанных с ним издержек («Но я плачу за это одиночеством»).

На этапе реконструкции (этап 3) ключевым принципом выступала экологичность: новый аватар должен интегрировать ресурсы Тени (например, способность защищать границы), не разрушая социальную адаптацию клиента. Эффективность оценивалась

по поведенческим индикаторами (изменению реакций в триггерных ситуациях) и субъективным отчетам клиентов (снижению дистресса).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Билингвы, как правило, менее травмированы семьей и коллективом, потому что у них потенциально есть выбор между двумя вариантами архетипа. Они не подвержены доминантному давлению со всех сторон одного единственного его варианта. Исходя из наших наблюдений и анализа описанных другими исследователями случаев, мы можем заключить, что билингвы быстрее считывают аватары и реализуют метафору, скрытую в тексте. Переключение поведенческих кодов у билингвов также основано на выборе того варианта отражения архетипа (ослабленного этой отраженной вариативностью), который оптимален для них в конкретной ситуации. Таким образом, личность проявляется в момент выбора идентичности: национальной, межнациональной или наднациональной. Если родители билингва являются представителями разных рас, то картина еще более вариабельная. На рис. 1 мы применяем термин «этнолингвокультура» в качестве культуры самоидентифицирующей, поскольку внутри своей самоидентификации личность может рассматривать этнолингвокультуру как родную, неродную, родительскую и иных предков – на основе объективации самоопределения в ситуации контакта.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ

Сказка и миф – динамичные инструменты самопознания и роста, интегрирующие коллективный опыт путем индивидуального осмысления. При антропоцентричном подходе они становятся механизмами формирования личности,

Рис. 1. Архетипы в картине мира естественного билингва

позволяя обрабатывать сложные жизненные ситуации с помощью метафоры, а не догмы.

Согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону (Lakoff, Johnson, 1980) метафора не только усиливает выразительность восприятия, но и структурирует его, связывая индивидуальное с универсальным, что соотносится с представлениями К.Г. Юнга (2023) об архетипах. В нашем подходе метафора – структурное ядро, посредник между личным опытом и коллективной памятью, обеспечивающий переход от личного к наднациональным и этнокультурным сценариям, что делает травматичный опыт менее эксклюзивным и открывая варианты его преодоления.

Сюжет сказки – метафора жизни нации, ее герой – метафора судьбы слушателя или читателя. Обе составляющие являются сценариями, задача читателя – распознать свой путь и пройти путь героя (Кэмпбелл, 1997). С помощью метафоры проще описать себя и окружающих. Например, клиентка 35 лет, узнав себя в образе Белоснежки, начала прорабатывать отношения с матерью, осознала причины отсутствия

воспоминаний о детстве и страха признать свою привлекательность. Ее мать, подобно мачехе из сказки, ревниво относилась к молодости и успеху дочери, что привело к возникновению у последней саморазрушительного поведения.

Самоидентификация с героем облегчает человеку (клиенту) взаимодействие с психологами, коучами: он трансформирует не свою личность напрямую, что часто вызывает сопротивление, а сценарий воплощения и реализации аватара (рис. 2). Готовность увидеть себя в аватаре и начать путь к метафоре – первый шаг к трансформации, ведь осознанное уже трудно игнорировать.

Процесс аватаризации позволяет полнезависимому читателю, способному к над- и интерконтекстному восприятию (Witkin, Goodenough, 1977), углубленно интерпретировать архетип, связывая его с личными ситуациями. В нашей практике такими читателями чаще оказываются би- и полилингвы, люди с опытом жизни в разных культурах или имеющие несколько несмежных профессий. Монолингвы, носители одной узкой специализации, люди, прожившие всю жизнь внутри одной культуры,

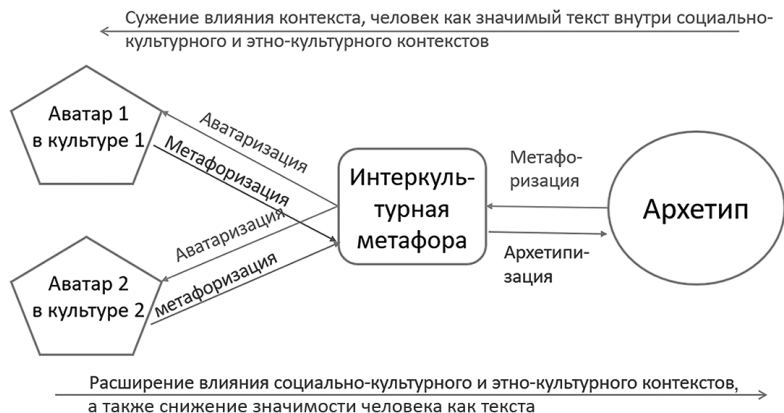

Рис. 2. Схема движения работы специалиста вспомогательной профессии от архетипа к аватарам

полезависимы, т.е. зависимы от социо- и этнокультурного контекста.

Читатель при работе с текстом движется от узнавания себя в аватаре к осознанию архетипа. Специалист, напротив, идет от архетипа к аватару. На первом шаге обе стороны реализуют метафоризацию: видят в образе метафору.

Метафора в этом контексте — «переводчик» архетипа: она преобразует абстрактное переживание в яркие образы, позволяющие распознавать знакомые эмоции и поведенческие паттерны. С помощью специалиста клиент переключает свое внимание с архетипа на метафору, чтение становится антропоцентричным, а сказки — носителями жизненных практико-ориентированных сценариев.

Аватаризация позволяет абстрактным моделям обрести практическую значимость: специалист «приземляет» архетип, придавая ему конкретный образ, связывая его с личным опытом и болью, заложенной в культуре, к которой принадлежит клиент. В народных сказках такую функцию выполняет сказитель, в литературных — автор, в сказкотерапии — сам читатель, создающий аватар своей истории.

В нашем исследовании именно интеркультурная метафора, отражающая бессознательную модель поведения, а не архетип,

является стержнем повествования. Ее объективация происходит в процессе медленного чтения нескольких сказок с одной доминирующей метафорой (например, «мертвая мать» в «Золушке» Ш. Перро и братьев Гримм). Читатель сначала подсознательно ощущает потребность переоценки архетипа, а затем, часто при помощи специалиста, осознанно работает с метафорой, конкретизируя ее в аватарах.

Архетип «мать» наиболее часто определяет ситуацию наших клиентов, он многолик: включает заботу и поддержку, но имеет и удушающую, пожирающую сторону (Юнг, 2023; Ляшенко, 2023). «Комплекс Лилит» (Maaz, 2003) иллюстрирует темные аспекты материнства: сочетание любви с контролем и агрессией. В мифах и сказках это проявляется в образах доброй феи и злой ведьмы, заботливой матери и жестокой мачехи.

В ряде культур образ матери сакрализован и воспринимается как безусловно позитивный, однако в аналитической психологии К.Г. Юнга он амбивалентен: сочетает созидательное и разрушительное начала. В животном мире после наступления зрелости происходит отделение от матери. У людей эмоциональная зависимость между поколениями может ослаблять развитие человека, превращаясь в дисфункциональные, квазиинцестуозные связи

(мать проецирует на сына образ «последнего мужчины», на дочь — нереализованную идентичность). Приведем примеры.

- В русской культуре матриархальная семья: мать и бабушка, передающие модель поведения далее, — в итоге превращается в «теремок» (несколько женщин-носителей одного типа травмы «под одной крышей»: например, имеющих «холодную мать» или абьюзивного отца).

- В Германии матриархат встречается реже. Там культурной традицией являются ранняя сепарация от семьи, отдельное проживание пожилых женщин, преобладают патриархат и модель «холодной матери».

Однако наличие схожих сюжетов в разных культурах говорит о существовании интеркультурных метафор, реализуемых в интракультурных аватарах. По сути, аватаризация метафоры — процесс «упаковки» универсального содержания (интеркультурной метафоры) в конкретный культурный образ (интракультурный аватар), аналогичный тому, как в индуистской традиции божество воплощается в разных формах. Аватар не просто иллюстрирует этот образ, а конкретизирует глубинную

психологическую модель в этнокультурном контексте. Отождествляя себя с аватаром, читатель соотносит ее с базовой метафорой, исследует другие ее воплощения, осваивает вариативные модели поведения и может переработать личные травмы, отказавшись от их воспроизведения в отношениях с детьми, коллегами и партнерами.

Метафоризация аватара переключает читателя с пассивного восприятия фиксированных образов на активное метафорическое мышление, способствующее личностной трансформации. Это важно для людей, имевших травмирующие отношения с родителями в детстве, поскольку предотвращает передачу травм собственным детям.

Мы предлагаем наглядный инструмент (рис. 3), показывающий, как единый дуалистичный архетип «мать», который сочетает созидающий и разрушающий потенциал, может расщепляться или проявляться в разных мифопоэтических формах. Метафорическое мышление дает возможность увидеть за конкретным образом (будь то лесная старуха, призрак, мачеха или фея) единую глубинную силу материнства. Метафорическое мышление служит

Рис. 3. «Мертвая мать» в аватарах сказок различных культур, народных и литературных

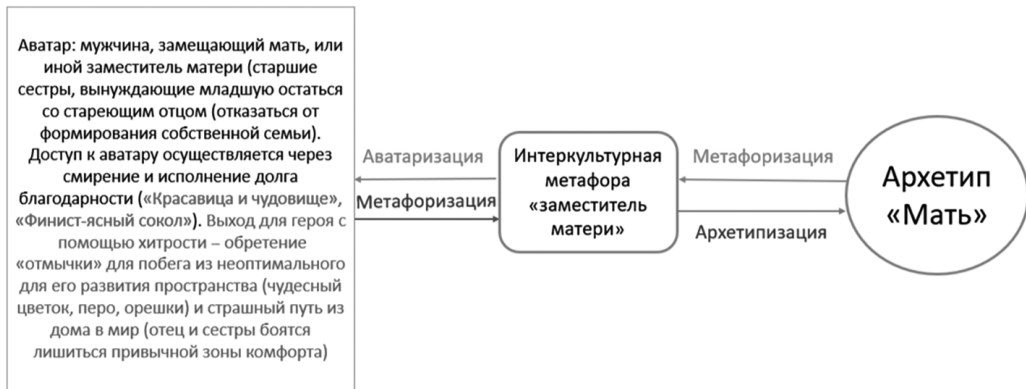

Рис. 4. Аватары к интеркультурной метафоре «заместитель матери»

мостом между психологической реальностью (в частности, травмами, конфликтами) и символической/сказочной, где мы можем наблюдать и интерпретировать подобные персонажи, прорабатывать их более безопасно, творчески и целительно.

Интересно, что, судя по сюжетам сказок, понятие «мертвая мать» соотносится с биопсихологическим циклом женского старения: в менопаузе (около 52 лет) снижаются уровни эстрогенов, прогестерона и серотонина, что отражается в фольклорных образах мачех, колдуний, завистливых матерей, трансформирующихся из питающей фигуры (nurturing figure) в деструктивную. «Темная» сторона архетипа «мать», по Юнгу, – символическое отражение пострепродуктивной трансформации.

Метафорическое мышление как двунаправленный акт (от архетипа – к аватару и наоборот) позволяет читателю-клиенту видеть материнское начало в разных образах (дерево, мачеха, старуха, земля) и узнавать себя в других героях – Золушке, Русалочке, Красной Шапочке, мышке и др.

При традиционном чтении полезависимый читатель фиксируется на архетипе, воспринимая его как неизменный штамп коллективного опыта. Такой подход исключает терапию с помощью интеркультурной метафоры и аватара: сказка остается «интересным повествованием» без жизненной проекции (рис. 4). Полезависимый человек

избегает рефлексии, анализа собственных поведенческих и эмоциональных паттернов, живет по принципу «как все» и не выходит за пределы поверхностного прочтения.

Полenezависимая личность, особенно находящаяся на стыке культур, способна декодировать метафорическое ядро текста и биографии, выявлять универсальные паттерны и рассматривать аватары с точки зрения ситуативной эффективности, а не как «хорошие» или «плохие». Аватары позволяют достигать целевых ориентиров, тогда как архетипы остаются неизменными и универсальными. Например, в романе Г. Гессе «Демьян» Синклер проходит через смену аватаров (Кроммер, Альфонс, Демьян), тогда как архетипические фигуры (Писториус, родители) не реализуются. Аватаризация метафоры помогает вскрыть неочевидные слои повествования и пройти путь автономизации.

Более полenezависимые клиенты часто сами определяют свой аватар: «Я как Белоснежка: нужна помощь принца», «Я как Конек-Горбунок: хочу стать Сталкером, но жду внешних указаний». Полenezависимым клиентам для подобного самоопределения необходим помощник (рис. 5, 6).

Иллюстрации выше отражают путь от архетипа «мать» как абстрактного прототипа, по Дж. Лакоффу, через метафорическое ядро к аватарам – культурно-специфическим проявлениям с сохранением отдель-

Рис. 5. Помогающие персонажи, способствующие сепарации от родителей (матери или замещающего ее отца)

ных черт материнства (внимание, наставничество, ревность, деструктивность), но без других свойств (биологической связи, заботы, эмпатии) (Lakoff, Johnson, 1980). В каждом образе сочетаются отсутствие чего-либо (холод, смерть) и присутствие (помощь, защита). Доступ к «материнскому ресурсу» в сказках требует своей цены: испытания болью или полного подчинения.

Читатель-клиент может узнать в персонажах не только себя, но и свою мать. Глубина травмы определяет, кого он распознает первым: при сильной травме – себя (Белоснежка, Дюймовочка), а не мать (мачеха, покупательница семечка). Мать будет по-прежнему «не поддающейся пересмотру», т.е. не метафоризируемой и тем более не аватаризируемой.

Поскольку архетипа «дочь» или «сын» нет, работа специалиста психолога-консультанта в этом случае направлена на обретение читателем-клиентом собственного архетипа (анима, анимус, герой). Сепарация часто начинается с обнаружения и контакта с «врагом» родителя – человеком, которого в семье критикуют. Им может быть наставник, тьютор или «воображаемый друг», помогающий выйти из родительской

модели. Если такой наставник принимается или даже приглашается родителями, возможна совместная трансформация всей семьи; в противном случае клиент (ребенок) уходит один, становясь новой фигурой (герой, мудрец и др.).

Для обретения собственного архетипа клиенту необходимо «взломать скорлупу родительского яйца». И проще всего это сделать, найдя друга (и в качестве варианта нормы – иную, нежели родительская, модель поведения, родителями не допускаемую) во «враге» родителя (отрицаемом и негативизируемом им персонаже, табуируемом или открыто критикуемом в семье). Например, начало выхода Синклера из «родительской скорлупы» в романе Г. Гессе «Демьян» – это путь от признания всеислия и всемудрости отцу через видение противоположного родительскому грязного теневого мира, который олицетворяют слуги, агония лошади, преступления в доме, и затем – через знакомство с Кромером и его миром под мостом.

Кромер – это воображаемый друг (Тень), часть Я самого Синклера, как и другие персонажи романа. Узнать и признать в себе то, что противоречит родительской норме, не испугаться и не поспешить

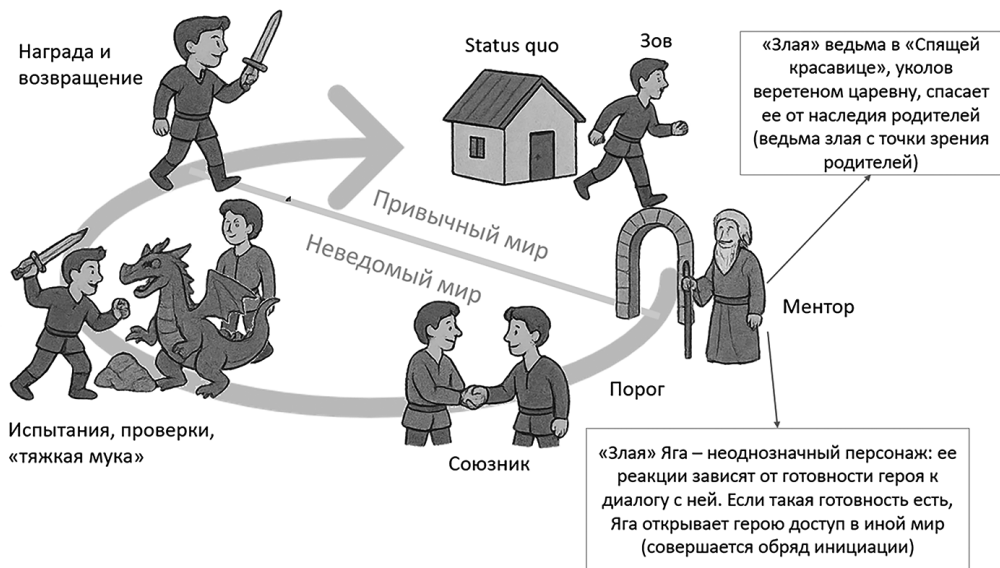

Рис. 6. Путь героя Дж. Кэмпбелла и персонажи, выполняющие роль наставника, который помогает преодолеть статус-кво родительского дома и родительской картины мира

отвергнуть (вытеснить) это знание — вот начало пути человека к самости, автономности. Родители чаще всего запрещают общаться с «плохой компанией» (проекцией Тени) и присваивают ей негативные черты. При помощи воображаемого друга происходит смена картины мира, навязанной родителями, на собственную, что интуитивно ощущается как необходимость (рис. 5). Нередко именно подросток, проходящий автономизацию путем поиска новых — не родительских — моделей поведения, дружит не с теми, кого для него в друзья или в качестве примера для подражания выбрали бы родители. Таким другом часто становится двоичник, не «примерный» мальчик или не устраивающий родителей взрослый, некий Карлсон: немного врун или фантазер, искатель приключений, в том числе опасных и т.п., животное, если родители не любят животных. Говоря метафорически, идеальный воображаемый друг — это разбойник у сына нотариуса (рис. 6).

Интересно, однако, и то, что Синклер уже до открытия, которое сделал Кромер, видел присутствие вокруг себя двух миров —

родительского и иного, негативизируемого родителями: с агонизирующей лошадью, сексуальным насилием, запретными привычками. Иными словами, готовность к сепарации была сформирована принятием героем двоемирия и интересом к иным сторонам бытия (можно сравнить это с ситуацией естественных билингвов, воспринимающих мир как сумму вариантов, см. выше).

Практическое применение предложенной нами схемы:

1) *анализ сказок и мифов*. При чтении и интерпретации сказки можно задать вопрос: «Какой из аватаров материнского архетипа вы здесь видите?» Это поможет глубже понять сюжет, отношения героя с «материнской фигурой» и перейти от абстракции сказки к реальности жизненных моделей и сюжетов;

2) *психотерапевтическая работа* (особенно сказкотерапия, арт-терапия). Клиент может «узнавать» свою «внутреннюю мать» (образ реальной матери или бессознательный архетип) в одном из аватаров. Например, когда мать ощущается «как призрак, которого нет», или «как жестокая ведьма,

требующая подчинения». Метафорическое мышление здесь позволяет находиться на безопасной дистанции: «Я говорю не просто о своей матери, а о бабе Яге или мачехе из сказки», что помогает отработать сложные чувства и конфликты.

3. *Литературное, сценарное творчество, геймификация.* Схема полезна авторам для проектирования женских персонажей, связанных с материнской ролью. Можно осознанно выбирать, какой аватар добавить в историю, какую динамику материнства подсветить.

4. *Культурно-антропологические исследования.* Можно рассматривать, как в разных традициях материнский архетип дробится на богинь, демониц, природных духов. Представленная нами схема служит моделью для классификации подобных образов.

Предложенная методика — работа с метафорой как ядром поведенческой модели и аватаром как конкретизацией этой метафоры — преодолевает разрыв между универсальным архетипом и индивидуальным опытом. Метафоризация связывает коллективное и личное, а аватаризация закрепляет эту связь, возвращая читателя в культуру уже в позиции активного автора своей жизненной траектории, а не пассивного носителя социальных шаблонов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях быстрых культурных и социальных изменений, глобальной миграции и, следовательно, распространения билингвизма и формирования мультикультурной среды, традиционные архетипы утрачивают гибкость, необходимую для отражения индивидуального опыта и скорее сдерживают естественную динамику развития цивилизации. Метафорическое антропоцентричное прочтение текстов позволяет интегрировать универсальный код с личными переживаниями. В поликультурном сообществе такой подход помогает найти общий метафорический код,

наделяя его культурно-специфическими характеристиками путем аватаризации. Это переводит межкультурный конфликт в диалог культур, в том числе между поколениями, которые ищут общее в различиях, сохраняя идентичность.

Наше исследование опирается на междисциплинарный подход, объединяющий когнитивную и аналитическую психологию, психодинамическую и нарративную терапию, сказкотерапию, культурологию, литературоведение. Такой синтез расширяет традиционные модели интерпретации, предлагая новые методологические инструменты.

Сказка и миф в антропоцентричном подходе — это не только отражение и трансляция культурного наследия, но и возможность его трансформации с помощью активного декодирования. Метафора связывает индивидуальный опыт с коллективным бессознательным, переводит абстрактный архетип матери в яркие образы. Осознание героев как метафор помогает увидеть вариативность травматичного опыта и переосмыслить его. Сдвиг фокуса внимания с архетипа на метафору делает чтение личностно-ориентированным, а готовность обнаружить себя в метафоре — началом трансформации.

Аватаризация позволяет глубже интерпретировать архетипы и соотносить их с личными жизненными ситуациями. Мы выделили два типа читателей: полезависимого, воспринимающего образы как штампы, и полenezависимого, способного декодировать метафору и работать с аватарами. Предложенная методика преодолевает разрыв между архетипом и индивидуальным опытом и эффективна в поликультурной среде.

Для полenezависимого читателя сказка — лаборатория личностной трансформации: от узнавания себя в аватаре — к поиску метафоры и осмысленной реконфигурации жизненных сценариев. Это переход от пассивного восприятия к активному конструированию своего Я.

1. *Вачков И.В.* Возможности метафоры в сказкотерапевтической работе со взрослыми // *Клин. и спец. психол.* 2015. Т. 4. № 1. С. 75–88.
  2. *Гринцер П.А.* Аватара // *Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / Под ред. С.А. Токарева.* М.: Советская энциклопедия, 1987. Т. 1: А–К. С. 19–20.
  3. *Зинкевич-Евстигнеева Т.Д.* Тайный шифр женских сказок, мужских сказок, сказки отношений. СПб.; М.: Речь, 2024.
  4. *Ильин И.А.* Духовный смысл сказки // *Возрождение.* 1934. № 3291. С. 2–3.
  5. *Кудрявцева Е.Л., Листик Е.М., Баркова Д.В.* «NEET» как поведенческая модель: кризис на рынке труда // *Инновации и инвестиции.* 2025. № 3. С. 152–157.
  6. *Кузьмин Д.А.* Архетипический анализ в сказкотерапии: стихийно-архетипический подход // *Вестн. Мос. гос. обл. ун-та.* 2015. № 2. С. 19–35.
  7. *Кэмпбелл Д.* Герой с тысящейю лиц: Миф. Архетип. Бессознательное. СПб.: София, 1997.
  8. *Ляшенко Т.М.* Архетипический подход как метод анализа женского образа в литературном тексте (на примере образа Мэрион в романе Дж. Франзена «Перекрёстки») // *Вестн. Литературного ин-та им. А.М. Горького.* 2023. № 2–3. С. 43–51.
  9. *Наумова О.А., Шергин А.В.* Архетипичная природа сказкотерапии и ее влияние на формирование творческой личности // *Bull. Internat. Centre Art and Educat.* 2022. № 4. С. 319–331.
  10. *Слесарева Е.А., Калинин В.К.* Звериное молоко: инициация при трансгенерационной травме (юнгянское исследование народных сказок): В 2 т. Т. 1. М.: Академический проект, 2022.
  11. *Эко У.* Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб.: Академический проект, 2004.
  12. *Юнг К.Г.* Архетипы и коллективное бессознательное // *Собр. соч.: В 20 т. Т. 9 / Под ред. Е.Н. Даньшиной.* М.: АСТ, 2023.
  13. *Birkhauser-Oeri S.* The mother: archetypal image in fairytales (studies in Jungian psychology by Jungian analysts). Toronto: Inner City Books, 1988.
  14. *Bossert L.N., Schlegel L.M.* Anthropozentrismus (in) der Krise. Warum Probleme nicht mit derselben Denkweise gelöst werden können, die sie hervorgerufen hat // *GAIA.* 2022. V. 31. N 1. P. 14–18.
  15. *Hayes, S.C., Strosahl K.D., Wilson K.G.* Acceptance and commitment therapy: An experiential approach to behavior change. N.Y.: Guilford Press, 1999.
  16. *Hollingsworth A.* Breaking the curse: retelling a folk fairy tale to explore trauma and healing in novels for young people: Diss. Dr. Sci. (Psychol.). Bath: Bath Spa University, 2024.
  17. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1980.
  18. *Maaz H.-J.* Der Lilith-Komplex. Die dunklen Seiten der Mütterlichkeit. München: C.H. Beck, 2003.
  19. *Malan G.* Myth as metaphor [Electronic resource] // *HTS Theologies Studies.* 2016. V. 72. Iss. 4. Art. 3260. doi:10.4102/hts.v72i4.3260
  20. *Moratti S.* Contemporary fairy tales: narrating women academics through metaphors [Electronic resource] // *Feminist Encounters: J. Critical Studies in Culture and Politics.* 2021. V. 5. N 2. Art. 21. doi:10.20897/femenc/11157
  21. *White M., Epston D.* Narrative means to therapeutic ends. N.Y.: W.W. Norton & Company, 1990.
  22. *Witkin H.A., Goodenough D.R.* Field dependence and interpersonal behavior // *Psychol. Bull.* 1977. V. 84. N 4. P. 661–689.
- References in Russian:**
1. *Vachkov I.V.* Vozmozhnosti metafory v skazkoterapevticheskoy rabote so vzroslymi // *Klin. i spets. psikhol.* 2015. T. 4. N 1. S. 75–88.
  2. *Grintser P.A.* Avatara // *Mify narodov mira: Entsiklopediya: V 2 t. / Pod red. S.A. Tokareva.* M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1987. T. 1: A–K. S. 19–20.
  3. *Zinkevich-Evstigneeva T.D.* Taynyy shifr zhenskikh skazok, muzhskikh skazok, skazki otnosheniy. SPb.; M.: Rech, 2024.
  4. *Ilin I.A.* Dukhovnyy smysl skazki // *Vozrozhdenie.* 1934. N 3291. S. 2–3.
  5. *Kudryaviseva E.L., Listik E.M., Barkova D.V.* «NEET» kak povedencheskaya model: krizis na rynke truda // *Innovatsii i investitsii.* 2025. N 3. S. 152–157.
  6. *Kuzmin D.A.* Arkhetipicheskiy analiz v skazkoteraapii: stikhiyno-arkhetipicheskiy podkhod // *Vestn. Mos. gos. obl. un-ta.* 2015. N 2. S. 19–35.
  7. *Kempbell D.* Geroy s tysyachyu lits: Mif. Arkhetip. Bessoznatelnoe. SPb.: Sofiya, 1997.
  8. *Lyashenko T.M.* Arkhetipicheskiy podkhod kak metod analiza zhenskogo obraza v literaturnom tekste (na primere obraza Merion v romane Dzh. Franzena «Perekrestki») // *Vestn. Literaturnogo in-ta im. A.M. Gorkogo.* 2023. N 2–3. S. 43–51.
  9. *Naumova O.A., Shergin A.V.* Arkhetipichnaya priroda skazkoteraapii i ee vliyanie na formirovanie tvorcheskoy lichnosti // *Bull. Internat. Centre Art and Educat.* 2022. N 4. S. 319–331.
  10. *Slesareva E.A., Kalinenko V.K.* Zverinoe moloko: initsiatsiya pri transgeneratsionnoy travme (yungianskoe issledovanie narodnykh skazok): V 2 t. T. 1. M.: Akademicheskiy projekt, 2022.
  11. *Eko U.* Otkrytoe proizvedenie: Forma i neopredelennost v sovremennoy poetike. SPb.: Akademicheskiy projekt, 2004.
  12. *Jung K.G.* Arkhetipy i kollektivnoye bessoznatelnoye // *Sobr. soch.: V 20 t. T. 9 / Pod red. E.N. Danshinoy.* M.: AST. 2023.